Кира Бородулина

ЗАГАДКИ ДОРОГ

Самые горькие слезы мы проливаем из-за слов, которые так и не были сказаны, и поступков, которые так и не были совершены

Гарриет Бичер-Стоу

Старт

- Заходи, - сказал Блейд, открывая дверь перед собой, - по вечерам тут только мои ребята.

В баре плотной стеной висел дым и играла гитарная музыка. Тусклое освещение делало его похожим на подвал. Публика подобралась одношерстная: в основном молодые люди лет двадцати пяти, упакованные в кожу и дядьки постарше, одетые почти так же. Были и девушки: в основном за столиками дядек, а парни помоложе сбивались в чисто мужские шайки.

- Пойдем, познакомлю с ребятами, - Блейд повел Руслана вглубь зала и остановился у самого неосвещенного столика, за которым сидели трое неопределенного возраста, - ребят, подвиньтесь.

Блейд кряхтя, опустился за стол, когда «ребята» подвинулись. Руслан скромно втиснулся между кожаными куртками. Сева, Шиз и Гундосый по очереди пожали руку пришедшему и вернулись к поглощению пива. Блейд о чем-то заговорил с ними, но из-за музыки Руслан почти не слышал содержания беседы. Понял сразу лишь одно: Гундосого не зря наградили таким прозвищем, но говорил он мало.

Блейд представил гостя друзьям:

– Эмблемку мне нарисовал клёвую, показывал?

- Помню, - Шиз затянулся и выпустил струю дыма в потолок, - красивая, я б себе тоже че-нить приляпал. Дорого берешь?

- Чисто символически - это же хобби,- отмахнулся Руслан.

- А машины чинить – профессия? – загоготал Сева.

- Ремесло.

- Я на него вышел, когда чоппер полетел, а Дутик с гриппом слег, - Блейд усмехнулся в пшеничные усы.

- Так как на счет эмблемы? – Шиз вернулся к наболевшему вопросу. - Че-нить нехитрое, но стильное.

- А цвета? – уточнил Руслан.

- Цвета свои – черно-красные, можно с зеленым.

Шиз предложил Руслану взглянуть на его мотоцикл и тот согласился больше из вежливости. После прокуренного смрада осенний ветер действовал бодряще.

- Вот он, мой конёк, - Шиз подвел Руслана к начищенному мотоциклу и любовно погладил руль.

- И что бы ты хотел изобразить? И где?

- Идейка есть… набросаю в блокноте, а то слов не хватает. Как объясню - никто не понимает.

Вернувшись в бар, Шиз плюхнулся на прежнее место, вытащил из кармана потрепанный блокнот и начал неуверенно водить карандашом по бумаге. Вскоре его художество оказалось перед носом Руслана и представляло собой диковинную помесь орла и дракона не то в клубах дыма, не то в пламени, или вообще над скалами.

- Много у тебя заказов?

- Да хватает, особенно как Дутик слег. Все ваши ко мне.

Оказалось, Блейд уже сделал гостю такую рекламу, что скоро к нему должны будут повалить не только байкеры. Руслан молча улыбнулся, услышав об этом. От пива отказался - принципиально не пьет за рулем.

- Неужто с ментами проблемы? – язвительно пробормотал Гундосый.

- Не с ментами, а с железом, - отозвался Руслан, - однажды так рассадил свое корыто, что и сам починить не смог, и более толковые люди не помогли. На бабки влетел, да все насмарку. Теперь не пью – за рулем, в смысле.

Троица и Блейд дружно загоготали.

– Ты заходи смело. Этот притон уже давно как дом родной. Чужие сюда редко заходят – днем в основном – в обеденный перерыв. Ну, менты иной раз для порядка, правда, от них беспорядка больше.

Руслан оглядел зал еще раз, будто проверяя информацию Блейда.

- Музыка радует, - улыбнулся он, - хотя, другого я и не ожидал.

Привал

- Нравится тебе работа? – спросил Руслана Влад, заехавший к нему в обеденный перерыв и глядя, как друг с энтузиазмом копается во внутренностях потрепанного «Шевроле».

- Пока нравится, - ответил тот, не отрываясь от дела, - ответственности, конечно, хватает, но одно дело за железку, другое – за человека отвечать.

Влад знал, что Руслан хочет открыть тату-салон для машин, но пока промышляет этим нелегально, а потому и деньги небольшие.

- Знаешь, я тебе завидую, - признался он.

Руслан выглянул из-за поднятого капота и удивленно воззрился на приятеля.

- Да ну? Тебе поди хреново в своем офисе!

Влад стал офисным планктоном, сколько бы он по этому поводу не плевался кровавой слюной, не хаял работу по найму, все корпорации вместе взятые и каждую в отдельности. Сидит себе в центральном опхесе банка с девяти до шести, отвечает на звонки бухгалтеров и занимается мозговым онанизмом с SQL. Параллельно висит в сети и хрен знает что там делает. Он всегда был примерным мальчиком.

- Примерный мальчик… это приблизительный мальчик, не очень-то мальчик! – посмеивался отец Руслана, еще когда сын учился в школе.

Руслан за хулиганские выходки мог простоять весь урок у стеночки – учителя таким образом не наказывали, а стремились обезопасить себя и окружающих.

Теперь же он, замызганный рабочий автосервиса, должен подбадривать гламурного друга! Мол, деньги-то немалые, можно и потерпеть. Сам бы так работать ни за что не смог. Влад ходит дерганный уже второй месяц. Видимо поэтому и тачка разваливается – она же все чувствует. Не абы какая тачка, не «жигуль» и не «калина», а «бэха» новенькая.

- Деньги… - хмыкнул Влад. - Я получаю за час моей жизни в 12 раз меньше, чем проститутка.

Руслан засмеялся. Вот ведь какая странная штука – вечно человек недоволен.

- Попробуй похалтурить - может, в цене окажешься и кайф получишь!

Влад горько хмыкнул и решил сменить тему. Спросил, когда можно будет привести к другу приболевшее авто.

- Давай в четверг. Эту колымагу сегодня заберут, надеюсь.

Спровадив Влада, Руслан сел отдохнуть. Их расхождение было неизбежным, но он не ожидал, что воспримет это так тяжело.

Неизвестно отчего устал больше – от копания в Шевроле или от заунывных разговоров друга.

Руководствуясь мудростью о лучшем отдыхе, которым является смена занятий, Руслан начал набрасывать эмблему на Шизов байк, срисовывая грубый образец. В принципе, весьма четкий и понятный – доработать немного. С цветами тоже мало-мальски ясно. Двадцать минут пролетели так быстро, но так, по сути, бесплодно! Ничего толком не дорисовал, а чай остыл.

Вечером, придя домой, он набросал образец получше и слегка раскрасил цветными карандашами. Этот процесс всегда казался ему таким детским и успокаивающим, что вызывал смех. После скромного ужина Руслан решил пойти к Блейду и компании – показать набросок Шизу. Поехал на маршрутке, чтобы выпить пива с дядьками. Но Шиза как назло не было.

- Че-то мало сегодня народу, - Руслан оглядел зал и заметил только нескольких ребят за стойкой и бледную девушку в черном свитере в дальнем углу зала. Она сидела за столиком, склонившись над какими-то листами с карандашом в руке.

- На нее даже не смотри, - Блейд перехватил взгляд Руслана, - всех моих ребят обломала, вообще ни с кем не общается, но сидит тут постоянно.

- Как же ей это удалось? – усмехнулся Руслан.

- Байкер женщину не обидит, - ответил Блейд, - тем более такую, которой податься некуда. Она мне сказала, что ей надо спокойно посидеть и что-то переводить или писать – я уж не помню. Видимо, негде больше, вот и квартируется здесь. О нас что-то пишет или переводит.

Они сели за столик в противоположном конце зала. Вскоре пришел Гундосый и еще какой-то парень, назвавшийся Поршнем. Руслан пил пиво и исподволь смотрел на странную девушку. За весь вечер она не оторвалась от рукописей. Другие ребята в ту сторону не глядели и не говорили о девушке.

Шиз так не пришел. Руслан показал рисунок Блейду, тот что-то хмыкнул себе под нос, почесал голову, ухмыльнулся, видимо, представив эту эмблему на мотоцикле приятеля.

- Не слишком ли круто для такого обормота?

***

На кухонном столе - чистый альбомный лист и карандаш. Руслан никогда его не убирал – вдруг что в голову придет? Ведь когда приходит, не найдешь ни альбом, ни карандаш. Со временем эта привычка так плотно засела в сознании, что у него появилась иллюзия: дома кто-то ждет. Хотя бы этот лист и карандаш ждут нового образа, знакомой набитой руки, мерного шуршания и стрекотания. Ждут хозяина и того нового, что с ним может прийти. Вид чистого листа и карандаша успокаивал и вселял надежду. И одновременно обескураживал пустотой и обещанием чего-то. Или Руслан боялся не выполнить это обещание, не справиться и все испортить? После того, как что-то завершаешь, появляется чувство радости и одновременно пустоты.

Творчество всегда двояко, переменчиво. Он давно привык к этому и полюбил такое состояние. С рисунком на мотоцикл Шиза он будто нарочно тянул время: с одной стороны хотелось быстрее взяться за дело, с другой – растянуть удовольствие.

Заезд

Девушку зовут Майя. Руслан узнал об этом днем от бармена, когда заходил перекусить. Там же встретил Влада, который не знал, куда податься в обеденный перерыв.

- Я обычно гуляю во время обеда. У меня есть час, чтобы пройтись по дворикам и скверикам, попить пиво, поразмышлять...

Но сегодня погода не ахти. Падает мокрый снег, Россия, как всегда, не готова к зиме, хотя конец октября.

- Ты теперь здесь по вечерам тусуешься? – Влад вырвал Руслана из размышлений.

- Бываю иногда, - ответил он, подумав насколько дурацкое слово «тусуешься». Он его всегда не любил, какое-то оно понтово-бессмысленное или чересчур двусмысленное.

- Хорошие они ребята?

- Куда нормальнее многих.

Вечером Руслан пришел раньше обычного и сразу увидел Майю, сидевшую за фирменным столиком. Блейда и компании еще не было.

- Привет, можно я к тебе подсяду? - Руслан подошел к столику Майи, решив, что сидеть одному скучно.

Девушка не отреагировала. Руслан тронул ее за плечо и повторил вопрос.

- А-а… конечно, - она растерянно сняла наушники-клипсы, но тут же их надела и опять уткнулась в распечатки.

Руслан какое-то время смотрел на нее и на бумаги, пытаясь понять, чем конкретно она занята, но так и не понял. Распечатками завален весь стол. Тут же какие-то книги, словарь и тетрадка, в которой девушка то и дело что-то отмечала. Он молча курил, все еще глядя на нее, она, казалось, забыла о нем, погрузившись в работу.

Когда явился Блейд, Руслан молча встал и пошел ему навстречу, устав курить рядом со странной девушкой.

- Ну что, познакомились? – Блейд иронично улыбнулся.

- На знакомство это мало похоже. Да, наверное, и не надо, - ответил Руслан.

- Если тебе девчонок надо, не вопрос! Эти авиалинии не дают…

- Да я не в этом смысле… - он махнул рукой, - просто интересно, что она все пишет.

- Говорит, книгу какую-то переводит, про нас, - хохотнул Блейд, - иногда что-то спрашивает у ребят по части железок. Консультанты под боком. Многие наши ребята такую книгу давно ждут, да все никак не переводили. Я не в курсах, если честно. Переведет – почитаю. Сам уже давно ничего не жду…

Тут в баре ввалились Шиз и Гундосый. Череда утомляюще громких приветствий и рукопожатий. Пиво, сигареты, разговоры о том, как прошел день. Потом о байкерских подвигах, о женщинах. Треп, который был и будет всегда, аминь.

Шизу понравился рисунок, Руслану почти ничего не пришлось исправлять и можно было приступать и разрисовыванию байка, но пока не было времени.

* * *

Руслан приходил домой все позже и позже. Взрослая жизнь оказалась не такой увлекательной, как представлял себе в юности и даже среди единомышленников он все чаще чувствовал себя одиноко.

Кажется, единственным другом остался неизменный чистый лист, ждавший на кухонном столе.

Придя домой, он сел за стол, поставив перед собой кружку кипятка, который медленно окрашивался в чайный цвет. Многообещающая белизна листа завораживала. Перед мысленным взором маячило нечто среднее между орлом и драконом, потом зашевелилось что-то вроде бабочки с оленьими рогами… он не раз слышал, что образы его чумовые, а сам он чокнутый. Потом запрыгал заяц в гриндерсах с сережками в ушах, и, наконец, плавно переплыл в саблезубого тигра с улыбкой типа «Here I am!» Последний образ предстал столь отчетливо, что Руслан громко рассмеялся над ним, но не хотел прогонять. Он начал рисовать тигра, потягивая горячий чай. Рядом с тигром спустя некоторое время появились и заяц в гриндерсах, и рогатая бабочка. Решив, что образ дракона навязан Шизом, Руслан не стал делать вариаций на эту тему. Созданные им существа уместились на одном листе. Руслан перевернул его и неожиданно для себя нацарапал карандашом:

Сложи свое оружие
В твоих руках весь мир
Мы движемся к ненужному
Чтобы понять, кто мы.

Перечитав написанное, он усмехнулся. Интересно, о чем это? Поэта из него не вышло, это факт. Да и художник с большой натяжкой… однако вскоре рядом со стишком прорисовался образ бледной девушки в черном свитере, склонившейся над столом с бумагами. Она интересная, что-то в ней есть необычное. Руслану захотелось изобразить ее в ярком платье, с улыбкой и лучистым взглядом. Это бы ее преобразило. Но раз уж рисунок сделан простым карандашом – так и оставим пока…

Поворот

Руслан уже не спрашивал себя, что влечет его в байкерское логово. В очередной раз, заходя в прокуренный зал и, не увидев там компании Блейда, подсаживался за столик Майи, не дожидаясь разрешения. Бессмысленно это – она ничего не замечала, а чтобы

заметила, ее надо тормошить и отвлекать. Руслан не хотел этого. Он слегка расчищал пространство на столе, доставал альбом и горсть карандашей и начинал рисовать.

Она не спрашивала, почему он подсаживался за ее столик, будто не было других свободных. Она вообще ничего не говорила и не снимала наушники. Иногда она отдыхала, откидываясь на спинку стула и закрывая глаза. Тогда, на долю секунды, она замечала сидевшего напротив человека. Их взгляды встречались в том случае, если Руслан отрывался от рисунка в тот же момент. Встречались ненадолго – буквально стукались друг о друга и разлетались в разные стороны. Руслан пользовался такой возможностью, чтобы рассмотреть девушку - раньше не успевал. Высокий лоб, слегка выступающие скулы, глаза глубоко посажены, но ресницы очень длинные. Лицо как лицо, но тем оно и прекрасно…

Он только начал делать набросок на чистом листе, как подошел бармен и сказал, что лавочка закрывается.

Майя сняла наушники и вопросительно глянула на подошедшего человека.

- Закрываемся, - персонально объявил ей бармен.

Она молча сгребла распечатки, книги, ручки, словарь, спихнула все в рюкзак, взвалила его на спину и бесшумно, но стремительно направилась к выходу. Руслан так же молча убрал свой альбом в папку, распихал карандаши по карманам и потянулся за курткой. Странно, почему никого из дядек сегодня не было?

Выйдя на улицу, он сразу увидел Майю, идущую впереди. Хотел окликнуть, но тут же понял, что она не услышит в наушниках.

- Да, такую стену не проломить, - говорить вслух стало привычкой.

- Какую стену? – оглянулась девушка.

Руслан так растерялся, что не сразу нашелся с ответом. У него было время подумать, пока шел к ней. Она остановилась и ждала, вопросительно глядя на него.

- Стену вокруг тебя, - честный ответ самый верный, что бы там ни баяли.

- Да нет никаких стен, - улыбнулась она, - вот отдыхаю от музыки, наушники сняла, так что говори, если есть, что.

- Особо нечего. Непонятно только, зачем тебе наушники – музыка-то у них хорошая. Если б ты такую не любила, в любом другом кафе сидела, с другими людьми…

- Она меня отвлекает, поэтому таскаю с собой инструментальную, чтоб слов не слышать. Уши отсыхают после нескольких часов.

Они подошли к остановке. Народу мало, да и маршрутки уже почти не ходили.

- Может, подвезти? – предложил Руслан.

- Не надо, я с незнакомцами не езжу.

- Так познакомимся! Я уже знаю твое имя, можешь не говорить…

- Я твое тоже знаю,- перебила девушка, - Блейд сказал.

- А ты у него спрашивала?

- Разумеется! Мало ли что за маньяк тут сидит постоянно. Как будто мест свободных нет. Раздражает, если честно.

Руслан потупился и на какое-то время замолчал. Он ведь спрашивал, можно ли к ней подсесть! Почему бы не сказать: нельзя? Да ей одного взгляда хватило бы, чтоб его отшить!

- Ты так заразительно трудишься, что я на тебя насмотрелся, и рисовать начал. Столик очень удачный – освещение хорошее, никто мимо не шляется, через плечо не смотрит, вопросов дурацких не задает. Тем более, когда не один сидишь.

- Поэтому и мне на руку, что ты там сидишь.

* * *

Когда Руслан подсел за столик Майи в следующий вечер, она сняла наушники и поздоровалась. Он ответил, не скрывая удивления. Оправившись немного, спросил, как у нее дела.

- Хорошо, а у тебя?

- Тоже ничего. Угощайся, - он положил на стол пачку сигарет и зажигалку.

- Нет спасибо.

- Правильно. Я никак не брошу. Но все-таки ничего, если закурю?

- Ты все время курил, пока сидел здесь, - усмехнулась она.

- Тогда мы молчали.

- И сейчас замолчим – надо работать.

Майя зашуршала страницами, склонившись над столом. Вскоре пришли Блейд и Шиз. Последний буквально захлебывался в восторгах и сразу подлетел к Руслану.

- Чувак, все супер! Спасибо! – он крепко жал и тряс Русланову руку. – Сколько я тебе должен? Решил тут все обговорить, ты тогда днем был занят все-таки…

- Да, - Руслан встал из-за стола, - пойдем, обговорим.

Они отошли от столика Майи, а она даже не посмотрела вслед.

- Я, признаться, волновался, понравится ли тебе,- сказал Руслан, как только приземлился за столик, - почти неделю горбатился над рисунком.

- Верю,- Шиз сверкал глазами, - и не зря, работа класс. Как я себе и представлял, даже лучше! Чувак, тебе надо открывать мастерскую авто-тату!

- Где деньги, Зин?

- Ссуду в банке не пробовал? – произнес до сего времени молчавший Блейд. – По идее, должны дать на такое.

- Окупится ли? А то вылечу в трубу окончательно.

- Ну, в общем, это вопрос… - протянул Шиз,- хотя я тебе уже соорудил пиар-компанию, на неделе жди звонков.

Руслан растерянно поблагодарил.

- Не тушуйся, парень, ты тут уже примелькался, - Шиз хлопнул его по плечу, - хотя ежу понятно, не для того ты сюда заваливаешь, что примелькиваться.

- Да, недоступное притягивает, - заметил Блейд, выдув струю дыма в потолок, - к тому же прогресс на лице – она с тобой заговорила.

- Откуда знаешь? – удивился Руслан.

- Без наушников сидит.

Надо ж, какие внимательные!

Разговор настроил Блейда на лирический лад и тот решил поделиться недавно сформулированной теорией. Девушек можно разделить на две группы: проблемных и беспроблемных. Убедился он в этом как на своем опыте, так и на опыте Кардана и других друзей и знакомых.

- А что там с Карданом? - оживился Шиз. – Кинула его селедка эта?

- Кинула, - выдохнул Блейд, - ну, в общем, поясняю. Либо девушка постоянно будет выносить мозг, выкручивать финты, придумывать проблемы себе и окружающим, доставать тебя, ссориться, понтоваться и брать тебя на понт. Либо она, наоборот, человек спокойный и понимающий, который лишний раз не обижается, когда ты занят, и вообще ведет себя нормально, но в то же время с ней можно и отдохнуть, и пообщаться о делах и вообще, о чем угодно.

Руслан слушал их разговор вполуха, в основном витал где-то, изредка поглядывая в сторону Майи. Она опять надела наушники и погрузилась в переводы.

- А Кардан че-то давно не заходил, - вспомнил Шиз, - из-за селедки, что ли загрузился?

- Наоборот, празднует! – расхохотался Блейд. – от такого деньговампира избавился!

- Надо его навестить, а то я не заходил к нему, чтоб не мешать лишний раз. Чувихе этой.

Блейд вопросительно посмотрел на товарища.

- Да, я как-то к нему зашел, а она и говорит: проходной двор, никакого личного пространства! Прям при мне! И Кардан даже не шикнул.

- Стерва, - констатировал лирически настроенный Блейд.

Подъем

- Ты читал «Маленького принца»? – спросила Руслана Майя в следующий вечер.

- Давно это было… - растерялся он и посмотрел в потолок. – А что?

- Там была фраза – не помню, кажется, лис ее сказал: я буду приходить каждый день и смотреть на тебя и каждый день буду садиться чуть ближе. Это похоже на нас.

- Да?... – он смутился. – Похоже на меня. Мне нравится на тебя смотреть. У тебя очень интересный тип лица, я такие нечасто встречал, хотя все лица разные.

- Наверное, тебе виднее, - она улыбнулась, - я мало смотрю на лица.

- Я заметил, - рассмеялся Руслан.

Она опять уткнулась в распечатки, а он добавил через некоторое время:

- Я хотел нарисовать тебя.

- Не сомневаюсь, ты уже это сделал, - она подняла на него глаза.

- Мне страшно тебе это показывать…

- Ты абстракционист или авангардист что ли?

- Нет, вполне академичен, порой до безобразия. Но и у меня бывают хорошие идеи.

Руслан закурил, чиркая карандашом на белом листе, а Майя шуршала бумагами, перелистывала страницы, что-то записывала, откуда-то переписывала… в общем страшно смотреть. Но он смотрел – как ему казалось украдкой, чтобы она не чувствовала его взгляда и не отвлекалась. Ему, конечно, хотелось, чтобы она возобновила разговор. Но ведь она приходит сюда работать, именно это место стало для нее спокойным убежищем, где никто не смотрит через плечо, не орет над ухом и не устраивает сцен. Руслан понятия не имел, как и с кем она живет, но уловил, что дома ей быть не хочется.

Он делал набросок эмблемы для одного из ребят, которым Шиз его разрекламировал. Человек известный как Морж не ограничивал его фантазию орлами и драконами, а просто обозначил цвета, а дальше сам решай, главное, чтоб красиво было. Руслан понятия не имел, что в понимании Моржа значит красота, поэтому терялся в догадках и образах. Они то представали перед внутренним взором совершенно четкими в заданном цвете, а то вдруг расплывались, переливались один в другой, перетекали в иные формы и размеры, разжижались, и невозможно было их поймать. К счастью, такое случалось редко – обычно Руслан сразу видел картинку. Изменения происходили невольно по мере рисования. Потому и цветы он обувал в ботинки, и кроликов в гриндерсы. Порой он сразу их такими видел, а порой нет – идея била по голове карандашом или фразой «а что если?» Ну и желанием повеселиться. Сейчас на его листе оживал какой-то монстр, жующий журнал «Метал хаммер» и брызгающий

слюной, хищно сверкая глазищами. Руслану зверь начал нравиться, как только он прорисовал его отчетливее.

- И кто это? – он услышал голос Майи.

- Не знаю, - он встретился с ней взглядом. На губах ее застыла тень улыбки, но в глазах уже появилась серьезность.

- Не волнуйся, я не подсматриваю, просто случайно увидела, и мне понравилось.

- Мне тоже. А вот на счет Моржа не знаю. Ты с ним знакома?

- Конечно. Думаю, он оценит.

На этом разговор опять закончился: она склонилась над распечатками, он – над рисунком. До десяти вечера они перебросились разве что парой фраз. Потом Майя собралась уходить, по обыкновению молниеносно сваливая в рюкзак свою поклажу. Руслан тоже сложил листы в пластиковую папку-конверт и надел куртку. Шел дождь, выходить из теплого помещения не хотелось.

- Можешь не провожать, посиди еще, - сказала девушка.

- Мне уж надоело, - слегка приврал он, - и домой пора.

Уже три раза он провожал ее до остановки, следил, чтобы она поймала маршрутку, благополучно уехала домой. Майя по-прежнему отказывалась от его услуг шофера. По дороге на остановку они обычно молчали, привыкая к свежему воздуху, каждый на свой лад. Руслан ежился, втягивая голову в туловище, Майя улыбалась и жадно вдыхала прохладу, подставив лицо ветру и дождю, расправив онемевшие плечи и порой размахивая руками. Руслан не знал, где она живет, не спрашивал номер ее телефона и сам удивился этому факту. Он не знал, над чем она так старательно трудится и на кого работает.

Ему нравилось смотреть, как ее фигурка исчезает в маршрутке – на фоне городских огней в темноте виден только силуэт и горб рюкзака. Руслан каждый раз смотрел по-новому, стараясь четче увидеть, пробраться в образ, запомнить его навек, извлекать из памяти с точностью до мелочей. Она никогда не прощалась – подбегая к маршрутке, не была уверена, что места хватит или что водитель позволит ехать стоя. Она просто бежала, каждый раз только проверяя. И каждый раз скрывалась за этой противной, едущей дверью. Ни взгляда, ни взмаха руки, ни улыбки. Нет, она не заносчивая и не

ледяная и, наверное, он ей даже нравится… просто она почему-то никогда ни в чем не уверена.

Серпантин

Холодно и гадко пасмурным днем дома, без горячей воды. Диск с балладами крутится сотый раз, в желудке плещется сотая кружка чая, телефон молчит, руки мерзнут. Дел много, да неохота ими заниматься. Непонятно даже, голоден или нет. Раздражают отросшие до сечения волосы и собственное лицо.

Жаль, он плохо знает английский. Майя рассказала ему о книге, которую переводит. Сама напросилась – книга мало кому нужная, не про байкеров, а про музыканта, у которого погибла дочь. Через год от горя умерла жена, и он отправился в путешествие на мотоцикле, чтобы заглушить душевную боль. Руслан, конечно, слышал о легендарной канадской команде, где играл этот невероятный человек, но не воспринимал такую музыку.

- Я тоже не особо люблю, можно сказать, услышала эту историю из уст другого музыканта.

Потом год искала эту книгу, но пришлось заказывать через интернет. Привезли чуть ли не из самой Канады. Руслан видел ее – страниц шестьсот, а то и больше.

- Долго же ты будешь с ней копаться!

- Признаться, порой жалею, что взялась за это, - Майя усмехнулась, - но отступать некуда. Бывают такие периоды, когда надо втащить себя в какую-то деятельность. Чтоб не зацикливаться на себе и своих проблемах. К тому же, в этой книге проблемы, так сказать, не подлежащие решению.

Она так интересно рассказывала, что Руслану захотелось прочесть этот роман.

- Будешь моим первым редактором, раз оригинал мучить не хочешь, - пообещала Майя.

Он было попросил учить его английскому, но у девушки, разумеется, нет на это времени. Вот, учился бы он так хорошо, как Влад – и у него ни на что не хватало бы времени!

Руслан посмотрел на вчерашний рисунок, сделанный за столиком Майи. Зверь похож на Моржа, но отдаленно: осталась

зубастая ухмылка и хищный взгляд, остальное добавлено и гипертрофировано. Интересно, Морж не обидится за разбрызгивающиеся слюни? Руслан засмеялся, представив выражение лица заказчика. А что слюни? У всех они есть, на что обижаться?

- А че ты сегодня не на работе? – спросила телефонная трубка голосом Влада.

- Хреновато мне, - ответил Руслан, - решил дома поторчать, чтоб совсем не разболеться.

- А я хотел к тебе зайти.

- Неужели опять сломалась? – изумился Руслан.

- Тачка? Нет, все в порядке. Просто поболтать.

Руслану не очень хотелось видеть старого приятеля, да и вообще кого-либо, но он из вежливости пригласил. Впрочем, обеденный перерыв у Влада не бесконечный, уже минут через сорок вернется в офис.

Влад приехал так быстро, что Руслан едва успел опомниться после телефонного разговора с ним.

- Ну рассказывай, че с тобой.

Странно, что Влад по своему обыкновению не уточнил: «Тебе точно интересно? Нет, правда, я тебя не гружу? А то может, не хочешь слушать, так и скажи!» Обычно он спохватывался, рассказав половину истории. Мир полон идиотизмов и Руслан это прекрасно понимал. А еще он понимал, что человеку нельзя сказать: никому твои россказни не интересны», что бы он там ни гнал по поводу честности и «без обид, мы же друзья». Где-то в подсознании, помимо воли, в глубине злой памяти эта обида закопается, а потом будет приклеивать к себе цепи других раздражений, которые вдруг станут фатальными.

- Короче, заминочка вышла, - начал Влад, - служба безопасности банка выдала, что дает мне от ворот поворот. Я зимой был под следствием. Причем, до суда не дошло, т.е. это не судимость, но их это мало колышет. И вот, если не уладим, придется банку сделать ручкой. Забавно, да?

Руслан сосредоточенно молчал, роняя пакетики чая в кружки и заливая их кипятком.

- Забавно, - наконец произнес он, - так ты вроде проклинал этот офис на чем свет стоит?

- На счет своей реакции я еще не определился - месяц назад бил себя пяткой в грудь и орал, что опхес - говно. Это действительно говно. Но засасывает...

Руслан подвинул к нему чашку чая и сел напротив.

- Я учился в лучшем ВУЗе страны. Я работал в крупнейшем банке РФ на далеко не последней должности и не за маленькие бабки! – он стукнул по столу кулаком. – И что?

- Если нужна работа, могу предложить место в соседней мастерской, там нужны люди, - спокойно отозвался Руслан, - но вряд ли тебя это устроит…

Он думал, Влад вспылит, вскочит из-за стола, выплеснет недопитый чай в лицо Руслана или на стену, запрыгает по кухне и начнет материться на повышенных тонах, но этого не произошло. Повисло молчание. Видимо, всегда немного нервный и порой излишне эмоциональный Влад остепенился в своем опхесе.

- Русь, я не сноб.

- Я понял, - улыбнулся Руслан, - так что если совсем туго будет – ждем!

- Может, так и лучше – хоть отсиженную задницу разомну, глаза от компа отдохнут. И уши от телефона.

Взгляд Влада упал на рисунок Руслана, лежащий на кухонном столе.

- Один чувак просил эмблему на байк, вот думаю… - пояснил хозяин, - хотя вряд ли ему понравится, но тогда себе оставлю.

- Может, нам с тобой вложить бабки в мастерскую авто татуировок? Ты бы потянул, - предложил Влад.

- Бабками – нет, а на голом таланте далеко не уедешь. Да и не окупится.

- Это ты зря. У тех же байкеров еще как окупится, да и прочих понтов полно. Подумай. И я тоже – надоело об одном думать.

Вираж

- Ты всегда много рисовал? – спросила Майя.

- Да, с детства. Мама тоже рисует, причем классно – видимо, на нее насмотрелся и стал заражаться этим.

- В моей семье все постоянно читали, трудно было пройти мимо.

- Наверное, ты пошла дальше, чем просто чтение, - усмехнулся Руслан, кивнув на распечатки и словарь.

Майя перехватила его взгляд и усмехнулась.

Руслан рассказывал ей о том, как еще недавно жил с родителями, но многолюдность квартиры ему надоела. Казалось бы, теперь он один, как и мечтал, но порой накатывает грусть. Особенно этот лист бумаги на кухонном столе – словно хочешь выплеснуть на него что-то невиданное и даже страшное, но… пустота.

- Ты выбрал свое одиночество и можешь этот выбор изменить, а тут, - Майя ткнула пальцем в толстую книгу, которую переводила, - одиночество страшное, вынужденное и никуда от него не деться.

- Вывод? – он усмехнулся.

- Цени, что есть или меняй, если не устраивает. Жизнь коротка, хоть пока и не верится. Дочь героя разбилась, когда ей было девятнадцать.

Какое-то время они молчали.

- Отдохни, давай выпьем чаю или кофе, - предложил наконец Руслан.

- Лучше кофе, - Майя послушно сгребла листы и книги и отложила их к стене. Руслан пошел к стойке и вскоре вернулся с целым подносом посуды.

- Кофе тут, конечно, есть, но вот *к нему* только сухари и чипсы.

В самый разгар чаепития появился улыбающийся в сорок зубов Шиз и выпалил:

- Русь, Моржу твоя картинка жутко понравилась, лепи, грит, на телегу!

- Аааа… Здорово! – очнулся Руслан. – Когда он приедет?

- Он щас тут, поговори сам.

Ему не хотелось уходить. Не хотелось оставлять Майю, не хотелось шума чужих голосов, пива вместо чая, ржания вместо интересного ему разговора. Она сказала, что пустота – явление временное, он просто еще не привык к новой жизни, и так хотелось верить!

- Щас допью, подойду – через несколько минут.

Шиз тут же испарился. Руслан заметил, что Майя, тихо улыбаясь, посмотрела ему вслед.

- Все-таки здорово, когда человек заряжает других позитивом, - сказала она, - никогда не видела его в плохом настроении.

- Я тоже, но догадываюсь, что лучше его таким и не видеть.

Разговор не продолжился. Они молча допили чай, Руслан посмотрел на столик компании Блейда, где изрядное место занял Морж (кликуха к нему не зря прилипла – мало того, что огромный, так еще любил нырять в прорубь и плавать с апреля по октябрь). Майя поставила чашки на поднос и стала раскладывать листы на освободившееся место.

***

Еще раз ночь. Еще раз призраки прошлого – навсегда забытые, казалось – выползают из черного зеркала сознания. Руслану не спалось и не рисовалось. Он расхаживал по квартире, не включая свет, уже давно привыкнув к темноте. Нашарил на столе диск «Флойда», поставил в дисковод. А ведь она ничего о себе не рассказала! Он вещал битый час, а что услышал? Кошки, книги, чужая история… только вывод, даже не точность.

Он сел за кухонный стол, включив свет над вытяжкой. Белый лист, посеревший после пытки стеркой, ловил его взгляд. Карандаш, казалось, еще хранил тепло его пальцев.

Морж завтра припрет свою колымагу, а вечером Руслан опять зайдет в полюбившийся бар, поговорит с Майей, может, больше спросит, чем скажет. Странная с ним произошла метаморфоза: он всегда любил слушать и мало говорил, но в ее обществе все менялось. Ему стало легко говорить даже о себе, не считая это занудством, и он забывал, что не привык к такому. Может, в кои-то веки он услышал себя словно со стороны, и ему это не понравилось? Или сказывается отсутствие привычки? Или это чувство… какое это такое чувство? как его определить… откровенность за откровенность? тебе не открылись в ответ. И кто в этом виноват? Общение – процесс непредсказуемый, на сто ходов не предусмотришь.

Занос

- Видок у тебя неважнецкий, - пробасил Морж.

- Не выспался, - признался Руслан.

- Ууууууу, - Морж расплылся в толстяковской улыбке, - а када забрать? – кивнул на мотоцикл.

- Нескоро – много заказов, но постараюсь за пару недель управиться.

Морж сник.

- Ну, постараюсь пораньше, - пообещал Руслан, - очень постараюсь, не волнуйся.

После обеда он читал переводы Майи. Ее интересовало, хорошо ли передана атмосфера, но как Руслан мог об этом судить, если не читал оригинал? Самые первые страницы, когда автор собирается в дорогу и вспоминает о случившейся год назад трагедии, захватили его. Конец августа, но в Канаде уже будто начало осени. Впрочем, как и нас…

«*Дом у озера был моим убежищем, единственным местом, которое я еще любил, единственным, что мне осталось. Я отрывался от него неохотно, но отчаянно. Вернусь нескоро, и в каком-то темном углу сознания жил страх, что могу и вовсе не вернуться. Это будет опасное путешествие, и оно может закончиться плохо. К этому моменту жизни я уяснил, что плохое случается. Даже со мной*».

Листы закончились не то чтобы на самом интересном месте – Руслан подозревал, что книга не из тех, от которых не оторваться, но продолжения хотелось. Это не боль и не нытье, это поиск иного пути, возрождение из пепла, если он правильно понял посыл.

***

Майя не пришла. Руслан просидел в баре весь вечер, курил, пил пиво, общался с дядьками, а потом шел домой пешком. Жалел, что не знает ее номера, хотя вроде не за чем было спрашивать. Ее столик выглядел бледно и голо без кучи бумажного хлама.

Руслан впервые поймал себя на мысли, что ему одиноко и тоскливо, что нет смысла быть здесь в таком состоянии в такой момент. И всего-то нет одного человека, не более заметного, чем

предмет мебели! Блейд, казалось, перехватил взгляд Руслана, когда тот в очередной раз смотрел на столик у стены. Не говорил ничего, но Руслан понял, что он понял… и будто пытался оправдаться в собственных мыслях, хотя до конца не осознал, в чем и перед кем. *Ты на нее не смотри*, - вспомнилась реплика Блейда (как давно это было!) А он, раз посмотрев, не мог насмотреться. И рисовал без конца. Кстати, он не принес ей рисунки. Почему же она не напомнила? Неужели ей неинтересно, как он ее видит? Наверное, он отвлекал ее от работы дурацкими разговорами, и она решила расположиться в другом кафе или в другом баре. А может, дома сидит. Или заболела?

- Приятель, не волнуйся так, - Руслан не сразу понял, что спокойный баритон Блейда обращен к нему, - она не обязана тут каждый вечер сидеть. Могут у человека быть дела помимо работы. К тому же суббота, если ты помнишь.

Он встрепенулся и ошалело уставился на Блейда. Тот едва заметно улыбнулся, но в целом сохранил фирменное, по-отечески спокойное лицо. Руслан не помнил день недели. Он пришел в мастерскую потому, что она работала всегда, и он появлялся там в зависимости от заказов. Тем более Морж попросил прийти. Руслан почувствовал себя скомкано от того, что Блейд все видит и понимает.

- Я не волнуюсь, - наконец прохрипел он, ожидая, что вожак вот-вот рассмеется – так же по-доброму, по-отечески, бархатным баритоном.

Он не смеялся. Просто кивнул и сказал:

- Я рад, что общение у вас сложилось. Судя по всему, нелегко такое общение сложить. Ты молодец.

Руслану стало интересно, почему он молодец, но он почти боялся спросить это у Блейда. И боялся признаться себе, что сам *догадался*, почему.

Склон

- Здорово! – воскликнула Майя, увидев принесенные Русланом рисунки. – Я тут даже симпатичная!

- Что? – подскочил он. – Как понимать *тут*? Извини, я рисовал с натуры, а не изображал добрую фею для детской книжки.

- Жаль. Интересно было бы посмотреть на себя в образе феи.

- В субботу тебя не было, я даже волноваться начал, - через какое-то время сказал он.

- Я позволяю себе по выходным не портить зрение и не вентилировать легкие «мальборо» и «кэмелом». Знаю, столь ничтожная мера уже не поможет, но организм все же требует.

Руслан усмехнулся. Собственно, по какому праву он будет предъявлять ей претензии? Возможно, именно сейчас стоит записать ее номер, но он промолчал.

Майя будто не заметила, что-то он куда-то уплыл – сидела себе над книгами, как ни в чем ни бывало. Ему это нравилось. Нравилось, когда не лезли в душу с тупым вопросом «что с тобой?» или «о чем думаешь?»

Дома ждет чистый лист. Каждый день был этим чистым листом. И даже не смотря на то, что общения стало существенно меньше или появлялись в жизни приятные люди, творчество не исчезло, он всегда находил, чем заполнить белое пространство.

Руслан заметил, что почти все ведут дневники и вовсе необязательно при этом что-то записывать. Свои дневники памяти есть у каждого. Например, его мама хоть и рисует теперь очень редко, увлеклась фотографией. Влад одно время составлял в винампе плейлисты полюбившейся ему музыки, которая приплывала в определенное время. Еще один старый приятель писал столько стихов, что на каждый месяц заводил ворды и, напечатав в один документ весь, к примеру, «майский выпуск» причудливо его оформлял. А если вспомнить, что у каждого человека есть дорогие сердцу вещи, сувениры, подарки, с которыми он под страхом смертной казни не расстанется, то можно сказать, дневники ведут абсолютно все. Даже дурацкая наклейка от жвачки, подаренная первой красавицей класса, будет храниться в тетрадке заботливо, как заначка в книге. Кто-то собирал фантики от конфет, кто-то шоколадные обертки, кто-то вкладыши, палочки от чупа-чупс, ракушки, марки, даже гвозди. Более «утонченные» сборы назывались коллекциями, но и те служили одной цели: воспоминаниям, возможности рассказать историю. Если бы этим барахлом просто любовались… ну как можно часами любоваться ракушкой или монеткой?!

- А можно я возьму себе один на память? – Майя кивнула в сторону рисунков.

- Конечно, - ответил Руслан, испугавшись, что она выберет его любимый, - какой хочешь?

Она порылась в стопке и выбрала именно тот, который он хотел оставить себе. Рассмеявшись, она взяла другой – тоже карандашный.

- Он какой-то надрывный, - удивился Руслан, - я думал, тебе не понравится.

- Как раз такое мне и нравится, - улыбнулась она, - очень похож на мое состояние.

Он взглянул на нее.

- Слишком даже. Зачем еще дальше себя на дно загонять?

- Со дна всякий раз всплываешь другим. Отговорки вроде: «в жизни и так полно дерьма, зачем серьезные книги читать или депрессивную музыку слушать?» Или: «все и так плохо, мне надо что-нибудь позитивного, чтобы поднять настроение» для эскапистов. Здесь, слава Богу, люди не боятся сильных впечатлений и погружений в собственную тьму, - она окинула взглядом дымный зал.

Через пару часов Майя победно закинула руки за голову и провозгласила окончание работы. Половина одиннадцатого.

- А мне продолжение? – Руслан покосился на листы.

- Я тебе напечатаю – это же пока только черновик…

Руслан поинтересовался, почему она пишет от руки – сколько времени бы сэкономила, если бы печатала на ноуте и смотрела переводы в электронных словарях! Оказывается, это не борьба за идею – ноутбука у Майи нет.

- Теперь знаю, что подарить тебе на день рождения!

- Он нескоро, - отмахнулась она.

- Тогда на новый год.

Руслан проводил ее до остановки как обычно. Маршрутки долго не было, поэтому они успели поболтать о разных разностях. Когда пошел дождь – ледяной и мерзкий, Руслан предложил вызвать такси, но Майя отказалась – мол, время еще детское, уедет. Подышать подольше – тоже плюс, а ты иди если замерз. Руслан только хмыкнул в ответ.

Прошло еще минут пятнадцать. Он заметил, что Майя и сама начала трястись. Хотелось обнять ее или пригласить в другой бар, выпить горячего чая.

- Дома ждет кто?

- Дома полно народу, но вот ждут ли…

- А у меня никого, - вздохнул Руслан, - и ждать некому.

- Я бы на твоем месте порадовалась.

- Я следую твоему совету и радуюсь, что выбор есть: могу быть один, а могу и не быть. Съезжу к своим, если затоскую.

- Это правильно.

Руслану отчаянно не нравилась роль следователя по особо важным делам, но все-таки он спросил о друзьях, припомнив, что он-то Майе многое о себе рассказывал, вытягивать не приходилось.

- У меня с подругой почти такая же ситуация, как у тебя с другом. Вроде как мы не расходимся и всегда были, что называется в одной лодке. Но теперь она меня постоянно критикует – все я делаю не так да не этак. Говорю не то, работаю не там, живу не так, одеваюсь не так. Устала я от этого, - она попрыгала на месте, обхватив себя озябшими руками.

- А сама что? воплощенный жизненный успех?

- Если бы - она б свои советы продавала!

Посмеявшись, Руслан спросил, что Майя вообще-то хочет от жизни.

- Жить, - ответила она, - и радоваться по возможности. Пока не очень получается.

Еще минут через пять на горизонте показалась маршрутка. Майя ринулась к ней с победным возгласом, чуть не поскользнувшись на обледеневшем асфальте. Руслан схватил ее за шиворот и заставил подождать, пока маршрутка с ними поравняется.

- Ну что, до завтра? – раньше он никогда не успевал произнести этой фразы, потому что Майя никогда не прощалась. А теперь успел даже протянуть к ней руку, толком не понимая зачем – скорее инстинктивно, словно пытаясь удержать или убедиться в реальности ее присутствия.

- Надеюсь! – весело ответила Майя, перехватив и крепко пожав его руку. И побежала к маршрутке.

Руслан, как и раньше, смотрел на нее до тех пор, пока дверь не закроется, пока маршрутка не тронется с места. И даже тогда он еще будет пытаться разглядеть Майю в салоне, смутно надеясь, что она помашет рукой на прощанье.

Торможение

На следующий день Майя не появилась. Руслан ждал весь вечер, ловя недвусмысленные взгляды бармена и Блейда, но сделал вид, что не замечает их. В прошлый-то раз зря переживал, чего теперь-то? Но вроде как договорились, она сказала «надеюсь». И в этом *надеюсь* была какая-то безнадежность. Нет бы, просто ответила «конечно» или «хорошо». Сегодня не суббота и не воскресенье. Ну и что? Разве не может быть у человека других планов? А все-таки номер телефона надо бы попросить, придурок! Пусть это и выглядело бы странно, но было бы спокойней. Может, у Блейда спросить? – почему-то Руслан был уверен, что у Блейда есть номер Майи. Но так и не спросил, запретив себе волноваться и пороть горячку.

Пользуясь тем, что пришел пешком, Руслан не ограничился пивом. Пил немного, но сознание замутил неплохо – не помнил, как добрался домой.

Встать утром - пытка. Он лежал до последнего, переводя будильник то на десять, то на пятнадцать минут. За окном так темно и влажно, что сама мысль о необходимости покинуть теплое ложе казалась кошмарной.

Весь день он глотал таблетки, предоставленные мамой, страдающей жесткими мигренями, и запивал их крепким чаем, который помогал хоть как-то осознавать себя здесь и сейчас.

Вечером тащиться в бар не было сил – вернувшись домой, Руслан рухнул на диван в гостиной и отключился. Проснувшись около восьми, решил, что уже незачем куда-то идти, тем более состояние не улучшилось.

На следующий день он притащился в бар и уже приготовился обвинить Майю в том, что она вдохновила его на алкогольные подвиги, следствием которых стало его вчерашнее отсутствие. Но, метнув взгляд в сторону ее столика, он обнаружил там развеселую

компанию незнакомцев. Оказалось, Майи не было и вчера. Уже семь вечера – в это время она уже вовсю пишет. Заметив, что Блейда нет, он сразу развернулся к двери, решив, что второго такого дурацкого вечера не выдержит. Ничего страшного – бывает, завсегдатаи и неделями пропадают, а потом появляются. Может, ей разонравилось торчать в этом притоне. Может, проблемы другого плана, другие дела, что-то в семье… да все может быть, в конце концов! Нечего себя изводить и сходить с ума из-за ерунды.

Весь следующий день и даже вечер он провозился с рисунком для Моржа. Идти в бар не хотелось – он разозлился. На всех. На Майю за ее отсутствие. На Блейда за несносную проницательность. На себя за свои мысли и привязчивость к самой привычке, за эгоизм и слабость. Все, хватит уже, пора и делом заняться, заказчик на стритфайтере ломаном катается.

Удар

Морж оценил старания Руслана и после того, как эмблема засверкала на любимом долгожданном коне, потащил его праздновать. Едва войдя в бар и увидев Блейда, Руслан понял, что-то не так. Майи, конечно, не было. И к этому он начал привыкать, но все-таки поглядывал на пустующий столик у стены.

Руслан пытался заставить себя веселиться и с достоинством выслушать хвалебные речи Шиза и Моржа о своем мастерстве, но получалось плохо. Пил он только пиво, от мешанины категорически отказался.

Когда компания изрядно разогрелась и развеселилась до пьяного угара, вечно трезвый Блейд растормошил выпавшего из реальности Руслана.

- Парень, новости хреновые, Я все думал, стоит ли сегодня об этом говорить, но, судя по твоему виду, портить настроение дальше некуда. Она больше не придет.

Какое-то время Руслан молчал, переваривая эту фразу и пришпоривая рвущиеся вперед вопросы: «как?!» обгонял «почему?», а «откуда ты знаешь?» волочился позади. Его больше удивило, насколько быстро он осознал, о ком идет речь, кто такая она, которую он, видимо, подсознательно не уставал ждать, как бы себе ни лгал.

- А-а-а, - наконец ответил он, решив, что Майя бросила таки работу. Надо попросить ее телефон у Блейда и связаться с ней.

- То есть, она вообще не придет, - чуть тише, но и тверже произнес Блейд, - никогда, понимаешь?

- Нет! – Руслан почти прокричал это слово. – Не понимаю…

- Я позвонил ей на сотовый, - неторопливо пустился в объяснения Блейд, - трубку взяла не она, а видимо, ее мама… ну, она мне и сказала, что Майя погибла. Признаться, я так офигел, что не сразу сообразил спросить как. Да и побоялся, если честно – вдруг она как расплачется! Только спросил, давно ли. Она ответила, неделю назад – чуть ли не завтра девять дней будет. В маршрутке разбилась, как она потом сказала. Кстати, может, слышал по телеку…

Руслан отвлеченно подумал, что телевизор в его квартире есть, но больше как осветительный прибор, нежели как средство получения информации. Может и слышал, но даже не подумал… это в тот самый вечер, когда он проводил ее и спросил: «до завтра?» А она ответила: «надеюсь». И уже тогда что-то липкое шевельнулось в его душе, но он отбросил это на задворки сознания. Потом он отвлеченно подумал о фразе, произнесенной Блейдом: «она больше не придет… то есть вообще не придет… никогда, понимаешь?» а он все никак не понимал. Точнее, даже не мог пропустить эту фразу до конца в сознание, она застряла где-то в правом ухе и звенела там эхом, как прилипчивая попсовая мелодия. В его воображении, склонном выдавать красочные образы, никак не вспыхивала картина, рисующая покореженный лайн, груду трупов, обезображенных тел на мокром асфальте в свете фонарей. Он ничего больше не видел и не слышал.

Или это слово «никогда». Или *надеюсь*. Зачем она его сказала, да еще так горько, и улыбнулась?! Он в последний раз видел ее улыбку – нельзя сказать, что она редко улыбалась… просто та улыбка была *последней*. И тепло ее руки – такой живой и нежной, выдающей надежду на неплохую сделку с реальностью. В памяти всплыло ее лицо, которое он так любил рисовать, да и просто любоваться им. И теперь останется куча рисунков. *Тот самый* рисунок она, значит, не довезла домой?

Память подбросила кадр: как Майя собирала все в бездонный рюкзак, затягивала тесемки и закидывала на плечо этот приставной

горб – последнее, что он видел, когда она закрывала дверь этой треклятой маршрутки. Он представил, как чьи-то чужие руки открывают этот рюкзак, вытряхивая содержимое (возможно, прямо на асфальт) в поисках документов, удостоверяющих личность. Словарь, распечатки, книги, карандаш и ручка, мобильник и этот рисунок. Простенький карандашный рисунок, «с надрывом», но он никому не поможет и ничего о ней не скажет. А книга? Что будет с ней? Ведь Майя не успела ее закончить,… да что она вообще успела!

Он вспомнил ее взгляд – последний, который ему довелось увидеть. В ее глубоких глазах застыло что-то, чего он не мог прочесть и не заморочился тогда по этому поводу. Можно сколько угодно гадать – больше он этих глаз не увидит. И смех, и голос, и тепло руки – все то, что казалось таким настоящим и почти вечным, незыблемым, вдруг исчезло навсегда, в одну секунду, и ничего не вернуть. Липкая паутина бессилия уже оплела его душу парализующей сетью, которую никто не силах разорвать.

Он только сейчас заметил, что буквально задыхается от слез, а остальные это видят и притихли. Блейд накрыл его руку своей ладонью и крепко сжал ее. От этого стало только хуже.

- Ничего, парень, такое случается, - горько произнес он, - много нашего брата гибнет на дорогах.

И все промычали согласия траурными голосами.

Все могло быть иначе. Как же долго они тогда ждали эту чертову маршрутку! Надо было плюнуть и вызвать такси. Или вообще предложить остаться у него – две комнаты ведь. Он понимал, что не стал бы предлагать ей такой вариант или знал, что она откажется, но… он мог ее спасти. И не спас.

Какая чушь это все! Какой абсурд, банальщина и бессмыслица! И как ни размышляй о людях и о жизни – все выворачивается так, что не стоило об этом даже думать. Какой теперь смысл – все уже произошло и ничего не изменить.

Все тише и тише стали голоса вокруг, будто и музыка умолкла. Все серее и невзрачнее становились декорации, все неистовее буря поднималась в душе, все надрывнее билось сердце. Оно начало, наконец, понимать, что произошло. И душа заметалась по той же причине.

- Ребят, я пойду, - следуя ее порыву, Руслан встал из-за стола. Поднялся и Блейд.

- Я тебя отвезу, - отпирания он слушать не стал, - один в таком состоянии ты никуда не пойдешь.

- Да, правда, не фиг, - Морж совмещал разговор с пережевыванием пиццы.

Их лица стали грустнее, но никто слезу не пустил. Скорее всего, никто внимания не обратил на отсутствие какой-то девчонки, которую и не принято было замечать.

- Тока смотри мне, не дури, - прорычал Блейд, выкатывая мотоцикл, - а то надумаешь руки отпустить…

- Я не герой асфальта, - прошептал Руслан - голос не слушался, - и не король дороги.

- И не полный придурок, - добавил Блейд, - садись.

Несмотря на то, что сезон давно закрыт, Блейд ездил на моте до первого снега, хотя многие говорили ему, что это самоубийство. Куртка у него с подстежкой, и кажется, Блейд к ней прирос. Лицо обветренное, хотя голова в шлеме. Руслан послушно сел, сцепил руки на могучих плечах Блейда и отключился от реальности.

- Эй, парень, приехали вроде, - Блейд хлопнул его по намертво зажатой ладони, когда байк остановился, а «клиент» и не думал соскакивать.

Руслан растерянно поблагодарил.

- Ты все равно приходи еще, - прогудел Блейд на прощанье.

Руслан в тот момент не подозревал, насколько больно ему будет видеть этот бар, ощущать себя в нем и пулять привычный взгляд на дальний столик. *Но лучше так, чем всю жизнь ждать тебя и не дождаться,* - мелькнула страшная мысль.

Войдя в квартиру – пугающе пустую и холодную - он, не включая света и даже не разуваясь, почти вбежал в гостиную, рухнул на диван, да так и сидел, невидящим взором глядя на решетчатые тени окна в свете дворового фонаря. Сколько времени прошло – он не знал. Просто сидел на мягком удобном диване, в темноте, если не считать фонаря, и полной тишине. Когда его сморил вымученный шаткий сон - он тоже не помнил.

Лом

В семь тридцать утра, вероятно, по привычке, он проснулся на диване, все еще в ботинках, в той же толстовке, в которой был накануне вечером. Так же темно и сыро за окном. *Хреновая новость* шарахнула по мозгам сразу, как только открыл глаза – будто и не спал вовсе. *Она больше не придет. Вообще не придет. Никогда, понимаешь?*

Да, он понимал, только мириться по-прежнему не хотел. Наверное, стоит принять душ и сварить кофе. Привычка. Более длительная, чем Майя, но, пожалуй, он не рыдал бы в голос, если б кофе вдруг кончился – раз и навсегда и ни в одном магазине мира не найти.

Слабак? Странный вопрос, которым даже не подумал задаться вчера. Да и сегодня он выглядит попросту неприлично. Что о тебе подумают тертые калачи, когда ты развешиваешь сопли, до колена, оплакивая девушку, о которой почти ничего не знал – ему до лампочки. В себе-то не разобрался, так и не понял, что значила для него эта девушка. Даже не удосужился разобраться – просто гнал от себя чувства и прятался за стеной вранья самому себе. А себе врать всегда ошибка. Все могло быть иначе.

МНОГО НАШЕГО БРАТА ГИБНЕТ НА ДОРОГАХ…

Пока он, почувствовав себя чуть свежее и бодрее после душа, пил кофе, таращась на посеревший лист бумаги и карандаш, мозг его вдруг возобновил работу с привычной скоростью и образностью. Он подкинул ему картинки, которые сам Руслан никогда не рисовал в воображении – Бог весть почему. Ведь была какая-то надежда во всем этом! Была и могла быть – не зря он так прикипел к ней, сам того не понимая. Он вдруг представил, что больше не один в этой квартире, что Майя постоянно рядом с ним, что на кухонном столе вместе с его листом и карандашом лежат ее распечатки и словари или стоит новенький ноутбук. Как же теперь история про этого парня на мотоцикле? Путешествие по целительной дороге… может быть, и Майя отправилась в такое путешествие? Только в другом мире, по другим дорогам. Все-таки опасно браться за такое творчество, милая, что-то в этом есть зловещее, пророческое…

А он, Руслан, испробовал вкус потери. Одиночество больше не спрашивало, выбирает он его или нет. Он на мгновение представил, что в доме - уютный порядок, и ужин всегда горячий, вкусный и приготовленный не на скорую руку, а с любовью и заботой. И не надо больше включать телевизор, создавая иллюзию присутствия, потому что *она* была бы рядом. В его квартире достаточно места, он неплохо зарабатывает… все могло быть так хорошо, как не бывает в жизни. В этом была надежда, которой он даже не разглядел и не подумал разглядывать. Да и сейчас разглядывал ее со своей колокольни – эгоистично, потребительски. С привкусом вины.

Интересно, Майя видит его? Хорошо бы в это верить – помогает, будто не так все банально и бессмысленно.

Город уже не спал. Все еще светясь заспанными ночными огнями, он менял очертания, форму, даже сам принцип восприятия. В полупрозрачной наползающей дымке есть что-то волшебно-тихое, как и в сумерках. Как в антракте в театре или на фесте, после выступления одной команды, когда другая настраивает инструменты, а ты пока можешь пойти в буфет или поболтать с кем-то, черпая кайф из самой атмосферы. В этом было обещание и опять же надежда. Во всем она, только замечать надо. И желательно вовремя.

Руслан шел пешком и именно сейчас не хотел ничего замечать. Какой в этом смысл, если она больше не придет никогда? В какой-то момент он позволил своему разуму поиграть в любимую игру: а вдруг это неправда? Вдруг ее маме просто не нравилось, что дочь торчала в этом притоне, и она отбрила Блейда, воспользовавшись случаем? И когда-нибудь, когда утрясутся издательские дела, когда готовая книга выйдет в тираж, Майя вернется – без рюкзака и словарей, просто зайдет в бар, навестить старых приятелей. И возможно, вспомнит его - странного художника из автосервиса, который мог часами молчать, сидя с ней за одним столиком, пуская дым в потолок.

Порой тяжело жить с богатым воображением. Он понимал, что мозг выдает бред – после шока, плохого сна, недельной нервотрепки, от которой тоже отмахивался. Мозг устал, ему требуется отдых. Конечно бред, но, сколько еще Руслан будет вглядываться в лица прохожих, выискивая в них хоть малейшее сходство с полюбившимся

образом, на что-то надеясь, добровольно терзаясь и в сотый раз разочаровываясь?

А люди шли ему навстречу и ни о чем не догадывались – смеялись, матерились, хмурились, просыпались на ходу, пихались и толкались, кашляли и топали каблуками. Небо над городом висело такое же облачно-свинцовое, ветер дул такой же ледяной. *Все как вчера, но без тебя,* - вспомнилась «Ария» и песня, которую никогда не любил.

Для него город был мертв, а люди, шедшие навстречу - искусственными или всплывавшими в памяти благодаря недюженым усилиям мозга, который повторял программу изо дня в день. На самом деле больше ничего нет – только программа, только забитые в голову воспоминания. Не стало лишь одного из этих людей, не стало *привычки,* не стало девушки по имени Майя, а город умер, люди стали ненастоящими, а нарисованными в сознании, небо перестало давить, а ветер - обжигать ледяным дыханием, потому что Руслан их не заметил. Он ничего не заметил кроме утраты такого фрагмента себя, которого уже не восполнишь, и о котором всерьез не успел даже задуматься…

2008

Фото: Илья Гарбузов